

35

2007111145

Изъ исторіи Казанскаго края.

Лѣто 1898-го года мнѣ пришлось провести въ имѣніи моего родственника В. А. Фонъ-Гленъ, въ селѣ Александровкѣ Казанскаго уѣзда. Исторія этого села заключаетъ въ себѣ много любопытнаго, какъ мнѣ показалось послѣ моихъ справокъ и поисковъ за документальными данными, не только для любителей мѣстной старины, но и для интересующихся вообще исторіей нашего общества. Благодаря любезному содѣйствію настоятеля мѣстной Тройцкой церкви с. Александровки, о. Н. Н. Филантропова, а также псаломщика названной церкви В. И. Красовскаго, я познакомился съ церковной утварью, книгами церковной библіотеки, иконами, которыя снимались съ своихъ мѣстъ для моего осмотра, и метрическими книгами, а также—съ храмозданной грамотой. При изученіи всѣхъ этихъ предметовъ съ точки зрѣнія исторической я вынесъ нѣсколько интересныхъ данныхъ для исторіи села Александровки.

Прежде всего скажу о положеніи этого села. Село Александровка находится въ Казанскомъ уѣздѣ на с.-в. отъ Казани, въ 80 верстахъ отъ города, по Сибирскому тракту, по которому нужно проѣхать три перегона, до почтовой станціи—Метески, а затѣмъ около 10 верстъ въ сторону отъ тракта по направленію къ сѣверо-западу. До поступленія своего къ теперешнему владѣльцу с. Александровка принадлежало графу А. Е. Комаровскому.

Исторія этого села намъ дѣлается извѣстной съ 1783 года: на одной изъ иконъ церкви, именно, на иконѣ Александра Свирскаго, находящейся нынѣ въ тепломъ помѣщеніи храма, у входныхъ дверей въ лѣтнее помѣщеніе, имѣется на оборотной сторонѣ полотна слѣдующая запись: „На семъ из-

стомъ месте зачелъ селитсѧ алеѯандръ ивановичъ свѣчинъ ї успелъ по жаланію своемѹ все ӧное совершить тогда ї сеї свѣты образъ патрона его написать приказалъ слѹжителю своемѹ: филипѹ юдинѹ: 1783 года: маиѧ 25 днѧ". Эта запись— древнѣйшій документъ церкви съ точнымъ указаніемъ историческихъ данныхъ. На этомъ документѣ основываются дальнѣйшія соображенія и имъ объясняются различныя подробности.

Изъ этого документа мы узнаемъ прежде всего, что А. И. Свѣчинъ сталъ селиться впервые на этомъ мѣстѣ, что это мѣсто было раньше *пустымъ*, что онъ въ 1783 году приказалъ писать образъ патрона своего св. Александра Свирскаго, что къ этому времени онъ уже успѣлъ сдѣлать кое-что по желанію своему для пустого края. Мы имѣемъ основаніе думать, какъ сейчасъ видно будетъ, что Свѣчинъ къ этому времени запасся церковными книгами и иконами, желая основать здѣсь церковь и снабдить ее необходимымъ инвентаремъ.

Сопоставляя эту запись на иконѣ съ данными, которыя находятся въ „Выкопировкѣ съ плана Казанской губерніи и уѣзда дачи села Тройцкаго, Александровка тожъ", выданной 24 апр. 1890 г. изъ Каз. Губерн. Правленія по Губернской Чертежной Настоятелю Троицкой церкви села Александровки священнику Николаю Филантропову вслѣдствіе его прошенія, мы приходимъ къ заключенію, что пустое мѣсто, впервые заселенное А. И. Свѣчинымъ, ранѣе названія *Александровки*, носило названіе *Наурисъ*. Выкопировка начинается такъ: „Выкопировка съ плана Казанской губерніи и уѣзда дачи села Тройцкаго, Александровка тожъ, что *была пустошь Наурисъ* владѣнія г. Генералъ-Маіора и кавалера А. И. Свѣчина, а нынѣ ст. Совѣтника Графа А. Е. Комаровскаго"... (Это относится къ 1890 году.). Далѣе, разбирая церковныя богослужебныя книги, можно въ нѣкоторыхъ изъ нихъ найти записи и подписи на оборотѣ переплетовъ или же подъ страницами на поляхъ. Эти подписи даютъ намъ слѣдующій матеріалъ: на одной книгѣ, которая называется: „Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни" и напечатана въ Москвѣ въ 1779 году, на оборотной сторонѣ переплета значится: „Сія книга проповѣди церкви Александровскія при священнике Петре Егорове... Нынѣ жъ при священникѣ Филиппѣ Родіоновѣ *съ 1797 года*". Запись эта сдѣлана 1829 г. 1-го

апрѣля. Такимъ образомъ, въ 1797 году поступилъ въ церковь свящ. Филиппъ Родіоновъ послѣ Петра Егорова, какъ это дѣйствительно и можно провѣрить по церковнымъ метрическимъ книгамъ. (См. „Тетрадь, данную изъ Арскаго Духовнаго Правленія вѣдомства онаго села Александрова Тройцкой церкви священнику Петру Егорову съ церковными причетниками для вписыванія ими въ оную прихода ихъ обоихъ половъ младенцевъ рождающихся, браками сочетавающихся и умершихъ на 1789 годъ.“). Первая метрическая книга церкви выдана Арскимъ Духовнымъ Правленіемъ въ Александровскую церковь въ 1789 году. На поляхъ, внизу страницъ упомянутой книги

„Поученій“ 1779 года можно прочесть: „сия кнга поучениї на все воскресные и праздничные дни дана цены три рѹбли шезьдесят копеекъ дому господина Брегадира алеѯандръ ївановича Свечина“. Изъ этой подписи мы узнаемъ, что Свѣчинъ пожертвовалъ эту книгу въ церковь изъ своего дома. Далѣе, въ Храмозданной Грамотѣ, данной въ Казани въ 1842 году іюня 15 за подписью архіерея смиреннаго Владиміра, архіеп. Каз. и Свіяжскаго, съ приложеніемъ печати („Внимай себѣ и ученію“) и за № 3003, на основаніи прошенія помѣщика, д. с. с. Кириллы Яковлевича Тюфяева, который хлопоталъ о разрѣшеніи построить ему въ селѣ его Александровкѣ новую церковь на мѣстѣ сгорѣвшей 9-го февраля 1842 года, сказано, что по справкѣ оказалось: 1) Существовавшая съ 1788 года въ селѣ Александровкѣ церковь живоначальныя Тройцы съ теплымъ придѣломъ во имя Каз. Божьей Матери сгорѣла 9 февраля 1842 года. 2) Въ 1814 году прибавленъ діаконъ, который и состоитъ на лицо въ 1842 году. 3) Прихожанъ въ селѣ Александровкѣ полковника Павла Кирилловича Тюфяева—200 душъ муж. пола; д. с. совѣтницы Анны Семеновны Тюфяевой дворовыхъ людей—5. Въ приходскихъ деревняхъ: Казанбашахъ, Апайкиной Гари, Верхняго Азяка, Нижняго Азяка, Іявашъ—всего 714 душъ. Содержаніе причта отъ Тюфяева хлѣбомъ и деньгами. *Руги* отъ обывателей приходскихъ деревень *съ одница* по одному четверику ржи и ярового хлѣба. Земли всего 32½ десятины. Построеніе церкви разрѣшено Тюфяеву.

Такимъ образомъ, Свѣчинъ въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1783 по 1788 годъ, былъ занятъ приготовленіемъ и устройствомъ всего необходимаго для церкви: заготовлялъ книги, церковную утварь и приказывалъ писать иконы, между прочимъ, своему

служителю Филиппу Юдину, рукою котораго на полотнѣ изображена икона св. Александра Свирскаго, патрона Свѣчина. Изъ старыхъ книгъ временъ Свѣчина и, вѣроятно, его библіотеки сохранились въ церкви слѣдующія: Церковный Уставъ—1755 г., Напрестольное Евангеліе 1784 г.; Напрестольное Евангеліе 1772 года; Октоихъ—1782 г., Тріодь Постная—1769 г., февральская Минея—1784 года. (Съ надписью на оборотѣ переплета: „Сия книга Генералъ-Маіора Алеѯандръ Ивановича Свѣчина".). Мы опять изъ этого узнаемъ, что Свѣчинъ жертвовалъ книги своего дома, которыя ему принадлежали, когда онъ былъ бригадиромъ и когда онъ былъ уже генералъ-маіоромъ. По всей вѣроятности, Свѣчинъ въ 1784 году и получилъ чинъ генерала. Свѣчинъ получилъ пустошь Наурисъ въ вотчину, какъ можно видѣть изъ Метрич. книгъ на 1789 годъ, гдѣ значатся *крестьяне вотчины Свѣчина.* Многія книги за ветхостью уже преданы тлѣнію, какъ можно видѣть изъ „Описи церковнаго имущества". (Ев. 1767 г., Служебникъ подъ № 135, Общая Минея подъ № 140), другія уже въ новыхъ переплетахъ. (Книга для описи церков. имущ. за № 4695 и подписью протоіерея Іоанна Ястребова. Опись сдѣлана въ 1846 году.). Изъ вещей, принадлежащихъ церкви, достойны упоминанія, какъ вещи древнія и, вѣроятно, принадлежавшія по типу къ вещамъ, заказаннымъ еще во время Свѣчина, слѣдующія: Икона св. кн. Ольги на холстѣ (опись 1846 г. № 223), которая была когда-то на лѣвомъ клиросѣ въ то время, какъ икона св. Александра Свирскаго—на правомъ. Это, вѣроятно, потронесса жены Свѣчина, а такое размѣщеніе иконъ, вѣроятно, было въ первой церкви, до пожара, т. е. до 1842 года. Нынѣ эта икона тоже помѣщена въ тепломъ придѣлѣ; на ней нѣтъ никакой надписи. Далѣе, упомянемъ картину изъ шерсти, шитой по бархату, изображающую Тайную Вечерю и находящуюся нынѣ за престоломъ въ главномъ придѣлѣ, въ лѣтней церкви. Послѣ пожара, отъ котораго уцѣлѣли только каменный фундаментъ, нѣкоторая утварь, книги и иконы, церковь получила новый видъ, и размѣщеніе частей получилось новое. Объ этомъ можно догадываться изъ того, что, при внимательномъ обзорѣ, теперь архитектура и орнаментика праваго и лѣваго клиросовъ, отдѣленныхъ отъ церкви маленькими иконостасами въ рамахъ и съ украшеніями, оказываются не одинаковыми: такъ, на правомъ клиросѣ по бокамъ иконостаса

находятся два рельефныхъ серафима, представленныхъ въ видѣ статуй женскихъ фигуръ съ шестью крыльями каждая, согласно изображенію и описанію Апокалипсиса и апокрифовъ. На лѣвомъ же клиросѣ по бокамъ образа ничего этого нѣтъ, а просто золотыя завитушки и украшенія новаго издѣлія. Вѣроятно, эти серафимы представляютъ изъ себя остатки отъ старой церкви. Равнымъ образомъ такіе же остатки сохранились намъ въ двухъ деревянныхъ статуяхъ Моисея и Аарона, находящихся у подножія главнаго иконостаса, по бокамъ царскихъ вратъ. Что, дѣйствительно, эти статуи—остатки старой церкви, это видно изъ того, что на чердакѣ церкви, среди хлама, находятся еще двѣ деревянныхъ статуи подобной работы, но уже не годныя для употребленія, т. к. онѣ полуизломаны и побиты. Въ церкви находятся два антиминса: 1855 года (подп. архіеп. Григорія) и 1880 года (архіеп. Сергія.)—это уже послѣ пожара. Вѣроятно, прежній антиминсъ погибъ въ пожарѣ.

Въ 1796 году Свѣчинъ упоминается *въ послѣдній разъ* въ Метрическихъ книгахъ церкви. (Янв. 20. № 2 Срв. браки: февр. 23. № 2.). О Свѣчинѣ мы знаемъ, что онъ былъ посланъ въ 1763 году въ Каз. губернію для осмотра дубовыхъ лѣсовъ и доносилъ въ это время оттуда Екатеринѣ II-ой: „опредѣленные къ новокрещенымъ защитники и ихъ подчиненные, вмѣсто защиты, разоряютъ новокрещеныхъ взятками и поборами". (*Соловьевъ*. Ист. Рос. съ др. временъ. Книга VI. Стр. 25. См. о Свѣчинѣ еще: кн. IV. Стр. 1358. V. 615.). 1-го іюня 1796 года подъ № 3 (о бракахъ) значится: „Вотчины госпожи надворной совѣтницы Катерины Александровны *Веліаминовой* сочетался законнымъ бракомъ крестьянинъ ея отрокъ... Женихъ и невѣста брачились первымъ бракомъ". Свящ. Аѳ. Васильевъ.

Вельяминова владѣла Александровкой до 1807-го года. (См. „Тетрадь данную изъ Чистопольскаго Духовнаго Правленія вѣдомства онаго Казанской Округи села Александрова Тройцкой церкви Священнику Филиппу Родіонову съ причетники на записку имъ въ приходѣ ихъ родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ обоего пола людей на 1807 годъ".). Въ этой тетради подъ № 1, янв. 1-го 1807 г., значится: „Села Александрова помѣщаки полковникаи кавалера Ивана Александровича Вельяминова у крестьянина" и проч.... Очевидно, что с. Александровка сначала послѣ Свѣчина сдѣ-

лалось вотчиною Е. А. Вельяминовой, а съ 1807 года—И. А. Вельяминова, о которомъ еще сохранилась нѣкоторая память въ народѣ, какъ объ очень жестокомъ по обращенію съ крестьянами помѣщикѣ и настоящемъ „столбовомъ“ баринѣ [1]). Въ 1826 году с. Александровка значится вотчиною *господъ Вельяминовыхъ* (метр. книга 1826 г. № 7.). Съ 1827 по 1841-й годъ упоминается просто *село Александровка* безъ обозначенія имени владѣльца.

Въ 1842 году янв. 14—17 (родив. № 3) *въ первый разъ* упомянутъ помѣщикъ полковникъ Павелъ Кирилловичъ *Тюфяевъ*. Въ 1842 году 15-го іюня Александровка уже значится принадлежностью помѣщика, д. с. с. Кириллы Яковлевича Тюфяева, который вскорѣ и умеръ (1844 г. 22 дек. См. выше „Храмозданную грамоту“ и могильный камень въ церковной оградѣ. Ниже.). Въ 1843 году 27—29 авг. (№ 14 объ умершихъ) значится: „умерла дочь Екатерина уволеннаго отъ должности капитана Іоанна Кирилловича Тюфяева. Съ 1845 года село Александровка упоминается, какъ имѣніе *помѣщиковъ Тюфяевыхъ*. 9-го іюля 1845 года помѣщикомъ названъ инженеръ полковникъ Александръ Кирилловичъ Тюфяевъ. Въ 1850-мъ году 22—23 февраля (№ 10 о родив.)—помѣщикъ ген.-маіоръ Александръ Кирилловичъ Тюфяевъ.

Въ 1857-мъ году 6—8 февраля (№ 9 о родив.) село Александровка значится *впервые собственностью помѣщика графа А. Е. Комаровскаго*. Въ Описи церковныхъ имуществъ подъ № 181 значится: „Малый Требникъ“ 1840 г. 14 октября отъ д. с. с. Анны Семеновны“ (Тюфяевой). Если припомнимъ дворовыхъ людей, упомянутыхъ въ храмозданной грамотѣ 1842 года, то окажется, что Анна Семеновна—Тюфяева; вѣроятно, жена Кир. Яковлевича. *Слѣдовательно, съ 1840-го года приблизительно Тюфяевъ сталъ владѣть Александровкой.*

Конечно, для насъ самымъ интереснымъ временемъ въ исторіи села Александровки является тотъ періодъ отъ 1840 до 1857 года, когда владѣли этимъ селомъ Тюфяевы: сначала,

---

[1]) Въ селѣ Александровкѣ еще до сихъ поръ здравствуетъ старушка 85 лѣтъ, Аграфена Герасимовна, родители которой были вывезены Вельяминовыми изъ Свіяжскаго уѣзда. Она сама еще помнитъ Вельяминова и Тюфяева. Говоръ ея особый: твор. п. мн. ч. вмѣсто *ами—амы*. Жесткое оканье.

вѣроятно, старики, а потомъ, послѣ смерти Кир. Яковлевича, (а, можетъ быть, и при его жизни еще въ 1842 году. См. выше.) его сынъ—Павелъ, затѣмъ Александръ, владѣвшій Александровкой долѣе всѣхъ—лѣтъ 13. Въ селѣ Александровкѣ еще здравствуютъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ времени стараго Тюфяева: по ихъ словамъ (кр. Діомидъ Дмитріевъ, кр. Митрофанъ Петровъ, кр. Аграфена Гарасимова), Тюфяевъ былъ вятскимъ губернаторомъ и пріѣхалъ въ Александровку, купивши крестьянъ у барина Вельяминова, который переселилъ крестьянъ своихъ изъ разныхъ мѣстъ (между прочимъ, изъ Тульской губерніи, Алексинскаго уѣзда, с. Медвѣдки). Послѣднее обстоятельство сказалось въ томъ, что говоръ с. Александровки не представляется намъ чистымъ, а смѣшаннымъ, причемъ мы и въ лексиконѣ, и въ фонетикѣ можемъ замѣтить элементы южно-великорусской рѣчи рядомъ съ элементами сѣверно-великорусскими. Въ общемъ говоръ-умѣренно акающій, и, какъ исключеніе, встрѣчается рѣзкое оканье. Время Тюфяева крестьяне вспоминаютъ съ великой благодарностью, т. к. онъ сразу по пріѣздѣ освободилъ ихъ отъ барщины на три дня въ недѣлю, кромѣ воскресныхъ дней, между тѣмъ какъ Вельяминовъ „задушилъ" ихъ работою. Крестьяне помнятъ, что Тюфяевъ жилъ „неладно" въ семейной жизни и могли припомнить кое-какія подробности, объясняющія намъ и личность и обстоятельства службы Тюфяева. Между прочимъ, извѣстно, что онъ уѣхалъ изъ Александровки въ Казань въ 1844 году, а черезъ двое сутокъ привезли уже его мертвое тѣло въ Александровку, гдѣ онъ и похороненъ въ церковной оградѣ. На Могильномъ камнѣ его мы читаемъ: „Здѣсь погребено тѣло дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Кириллы Яковлевича Тюфяева. Родился 10 марта 1778 года. Скончался 22 декабря 1844 года".

Въ церковной же оградѣ находится могила дочери капитана Ивана Кирилловича Тюфяева, умершей въ 1843-мъ году. (См. выше. Актъ подъ № 14 Метрич. книги на 1843 ій годъ. На могилѣ написано: „Здѣсь погребено тѣло младѣнца Екатерины дочери капитана Ивана Кириловича Тюфяева, родившійся и скончавшеіся 1843 году". Въ метрич. книгѣ было сказано „дочь уволеннаго отъ службы капитана".... Не тотъ-ли это сынъ Тюфяева, котораго, по словамъ крестьянъ, долгое время возили въ повозочкѣ, т. к. онъ былъ боленъ ногами.?).

О старикѣ Тюфяевѣ (Кириллѣ Яковлевичѣ) намъ извѣстно, что онъ былъ вятскимъ губернаторомъ въ то время какъ разъ, когда въ Вятку былъ сосланъ А. И. Герценъ, и нѣсколько лѣтъ жизни Герцена связано съ личностью К. Я. Тюфяева. Тѣмъ интереснѣе для насъ личность Тюфяева. Въ 1834 году Герценъ былъ переведенъ въ Вятку на службу къ губернатору Тюфяеву, которому и составилъ особое оригинальное имя въ нашей литературѣ. Герценъ, какъ извѣстно, своей особой и своимъ саркастическимъ умомъ, съ всегдашнимъ своимъ прямымъ словомъ и живой природой, не могъ не производить сильнаго впечатлѣнія на новыхъ людей, среди которыхъ онъ очутился въ Вяткѣ: онъ сталъ производить впечатлѣніе человѣка, отрицательно относившагося къ заведеннымъ порядкамъ. П. В. Анненковъ замѣчаетъ, что Тюфяевъ, какъ опытный начальникъ, не могъ не обратить на это вниманія и не взлюбилъ своего подчиненнаго. Привыкши къ безотчетному самовластію на своемъ посту, Тюфяевъ, запасшись опытомъ еще на службѣ у графа Аракчеева, задумалъ освободиться отъ молодого и независимаго по уму чиновника и, несомнѣнно, успѣлъ бы привести свой планъ удаленія Герцена подальше отъ себя въ исполненіе, еслибы этому не помѣшало его собственное увольненіе отъ службы. (Анненковъ и его друзья. СПб. 1892. Стр. 12—13.). Спасителемъ Герцена явился одинъ жандармскій штабъ-офицеръ, отказавшій Тюфяеву въ содѣйствіи на планъ дальнѣйшей высылки Герцена изъ Вятки куда-нибудь поглуше Герценъ такъ самъ пишетъ въ 1837 г. о своемъ пребываніи въ Вяткѣ своему другу Огареву: „Что я вынесъ въ продолженіе 9 мѣсяцевъ губернаторства Тюфяева, этого, братъ, и сказать нельзя. Но я молчалъ, не жаловался не испрашивалъ участія: я и это принялъ за испытаніе, за главу воспитанія Провидѣніемъ. Представь себѣ этого „Калибана-Гіену“, который инстинктомъ понялъ, что я его ненавижу, и который всею гнусностью своею хотѣлъ задушить меня, и что же? Тутъ, въ этомъ гадкомъ положеніи, явился оплотъ, гдѣ я не ожидалъ, явилась защита совсѣмъ нежданная! Жандармскій штабъ-офицеръ всею властью своей остановилъ того, и ударъ прошелъ мимо, ограничась обидами и униженіями“. (ib. 32.).

Но въ 1837 же году состоялось увольненіе Тюфяева отъ должности за его усердныя приготовленія къ пріему Наслѣд-

ника престола (имп. Александра II) въ качествѣ „хозяина губерніи“. (ib. 34. 35.). Такимъ образомъ, жертва Тюфяева вздохнула свободно, а самъ Тюфяевъ, какъ мы видѣли выше, уѣзжаетъ изъ Вятки въ Александровку Каз. губерніи вскорѣ послѣ этого. (Около 1840-го года.).

Такимъ образомъ, внѣшняя исторія села Александровки представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: въ 1783 году оно заселяется *Свѣчинымъ,* въ 1788 году построена первая церковь, въ 1789 году назначенъ священникъ Петръ Егоровъ, въ 1796 г. село переходитъ къ Е. А. Вельяминовой, въ 1797 г. назначенъ свящ. Филиппъ Родіоновъ, въ 1807 г. село переходитъ къ И. А. Вельяминову, въ 1841—42 г. село перешло къ Тюфяевымъ, бывши нѣсколько лѣтъ безъ помѣщика; въ 1857 году село перешло къ графу Комаровскому.

Въ заключеніе своей замѣтки могу сообщить еще объ одной бытовой подробности въ жизни крестьянъ с. Александровки: здѣсь чтится и празднуется память одного монаха, найденнаго черезъ 3 мѣсяца послѣ убіенія въ лѣсу нетлѣннымъ и схороненнаго въ церковной оградѣ при церкви с. Александровки. Народная легенда связала имя этого монаха съ особыми чудесами, и нынѣ народъ вѣритъ въ чудодѣйственную силу веригъ этого монаха и шапочки его, сохраняющихся въ церкви. Вериги и шапочку надѣваютъ, надѣясь получить исцѣленіе отъ различныхъ недуговъ, а могильный камень его грызутъ, увѣряя, что это помогаетъ отъ зубной боли. На могильномъ камнѣ читается: „Подъ симъ камнемъ погребено 1803 года сентября 12 дня тѣло убіеннаго Тобольской губерніи города Енисейска мѣщанина Николая Алексѣева Мясникова, слѣдовавшаго въ монашескомъ одѣяніи изъ Ростовскаго Яковлевскаго монастыря до отечества для полученія отъ своего общества увольненія по желанію его въ принятіе иноческаго чина. Писано къ нему отъ какой-то монахини Анфилогіи (дальше камень обгрызенъ такъ, что нельзя прочесть оставшихся буквъ. Оканчивается надпись словомъ: „имамъ“.). Память его празднуется 29 іюня; бываетъ большое стеченіе народа. По словамъ священника, этого монаха убилъ какой-то татаринъ въ лѣсу, а изъ его пояса сдѣлалъ себѣ шапочку, по которой и признали черезъ 3 мѣсяца убійцу. Нашли тѣло по его указанію и убѣдились въ нетлѣнности тѣла убіеннаго.

Тѣло предали землѣ. Народъ вѣритъ въ праведника и грызетъ его камень, который со всѣхъ сторонъ уже достаточно испорченъ.

Е. Будде.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1898 г.

2007111145